

СШИТЫЕ

Судьбою

АВТОР

МУНИРА ВАГИНА

Мунира Вагина

Сшитые судьбою

<https://litres.ru/74427129>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анфиса устраивается модисткой в московский Дом моды «Элизиум» и сразу оказывается в центре чужой жизни. Красавица-модель Марина встречает её с настороженностью, архитектор Антон неожиданно влюбляется, а харизматичный Эдвард, давно ухаживающий за Мариной, позволяет себе опасный интерес к новой девушке. Всё меняется, когда старые фотографии, серебряная булавка и странные воспоминания, возникающие от прикосновения к вещам, начинают связывать Анфису с семьёй Волковых.

То, что казалось любовным треугольником, превращается в тайну длиной в двадцать четыре года. Пожар, исчезнувшая мать, скрытый ребёнок, наследство «Элизиума» и память, оставленная в тканях и украшениях, ведут героев к правде, способной разрушить привычную жизнь – или наконец собрать её заново. «Сшитые судьбою» – роман о любви, ревности и выборе, о семье, которую можно потерять ещё до того, как успеешь её запомнить, и о нитях, которые однажды всё равно приводят домой.

Содержание

Глава 1. Девушка с серебряной иглой	4
Глава 2. Слишком похожие	21
Глава 3. Эдвард	49
Глава 4. Чужое воспоминание	71
Глава 5. Первое свидание	90
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Мунира Вагина

Сшитые судьбою

Глава 1. Девушка с серебряной иглой

В Москве шёл дождь. Не тот торжественный осенний дождь, под который хорошо смотреть из окна дорогого ресторана, а мелкий, настырный, почти невидимый. Он портил укладки, пачкал светлые туфли и превращал утренние пробки в медленно движущееся наказание. Анфиса Орлова опаздывала на собеседование на семь минут. Для любого другого места она бы решила, что это не катастрофа. Но Дом моды «Элизиум» не был любым другим местом.

Его стеклянный фасад поднимался над улицей холодной серебристой стеной. На тёмных панелях почти незаметно проступали буквы ELYSIUM – настолько сдержанные, будто здание считало дурным тоном сообщать окружающим, сколько оно стоит. Анфиса остановилась под козырьком, посмотрела на отражение в стекле и выдохнула. Светлые волосы она собрала в низкий хвост. Чёрное платье было простым, почти строгим, зато сидело идеально. В руках – большая плоская папка с эскизами, на плече – сумка, из которой

торчал сантиметр.

- Ты не опоздала, – сказала она собственному отражению.
- Ты дала им семь минут, чтобы подготовиться.

В таком варианте звучало лучше. Она толкнула тяжёлую дверь. Внутри пахло кофе, свежими цветами и чем-то ещё – тканью, духами, отпаривателями, дорогим деревом. Так пахнут места, где красота является не украшением жизни, а профессией. У стойки администратора сидела девушка с безупречной причёской. Она подняла взгляд.

– Вы к кому?

– На собеседование. Анфиса Орлова. Мастерская головных уборов и аксессуаров.

Девушка посмотрела на часы. Анфиса улыбнулась:

– Я тоже их вижу.

Администратор чуть приподняла бровь.

– Четвёртый этаж. Вас ждёт Тамара Сергеевна.

– Уже хороший знак.

– Что именно?

– Что ждёт.

На лице администратора впервые мелькнуло что-то похожее на улыбку. Анфиса направилась к лифту. Она старалась не смотреть по сторонам слишком жадно, но не получалось. На стенах висели фотографии старых коллекций. Высокие женщины в платьях, которые не выглядели одеждой – скорее обещанием другой жизни. Некоторые снимки были новыми, глянцевыми. Другие – старые, почти музейные.

Перед лифтом стоял стеклянный шкаф. Внутри лежали ножницы, катушки шёлковых нитей, вышитые воротники, перчатки, старинная шляпная форма и несколько украшений. Анфиса задержалась. Среди них была длинная серебряная булавка. Совсем простая. Тонкий стержень, небольшая головка в форме переплетённых нитей.

У Анфисы внезапно защемило под рёбрами. Она уже встречала такие вещи. Не эту. Похожие. Иногда старый предмет словно тянулся к ней сам.

Она никогда никому об этом не рассказывала. В детстве однажды взяла в руки бабушкину шаль и увидела незнакомую комнату, которой не могла помнить. В шестнадцать лет нашла на блошином рынке брошь и услышала женский смех так отчётливо, будто женщина стояла рядом. Потом это почти прошло. И Анфиса научилась считать странные вспышки воображением. Мозг любит сочинять истории. Особенно если ему скучно.

Двери лифта открылись.

– Потом, – тихо сказала она булавке.

И поднялась на четвёртый этаж.

* * *

В мастерской был маленький конец света. По крайней мере именно так выглядели три женщины, стоявшие вокруг манекена.

– Всё, – сказала одна из них. – Его надо снимать.

– Через четыре часа прогон.

- Тем более.
- А второе платье?
- Не утверждено.
- Там линия бедра ужасная.
- Здесь сейчас вообще ужасно всё!

Анфиса остановилась у двери. На манекене висело платье цвета очень бледного золота. Воздушное, сложное, почти невесомое. От линии талии вниз шёл каскад мягкой ткани. И прямо по центру передней части зияла длинная неровная прорезь.

Женщина лет пятидесяти резко повернулась.

- Вы кто?
- Анфиса Орлова.
- Какая ещё Орлова?
- Та, которая на собеседование.
- Не сейчас.
- Я вижу.
- Подождите в коридоре.

Анфиса не двинулась. Она рассматривала платье.

- Чем порвали?
- Девушка, я сказала...
- Зацепили металлическим краем?

Женщина замолчала. Одна из мастериц ответила:

- Стойкой.

Анфиса подошла ближе.

- Можно?

– Нет.

– Тогда снимайте платье с показа.

Женщина посмотрела на неё долгим тяжёлым взглядом.

– Вы всегда так устраиваетесь на работу?

– Пока не знаю. Раньше меня брали быстрее.

Одна из мастериц тихо фыркнула. Старшая женщина посмотрела на часы.

– Пять минут.

– Десять.

– Семь.

– Договорились.

Анфиса положила папку на стол.

– Мне нужна тонкая золотая нить. Не блестящая. Чуть темнее ткани. И мелкие прозрачные бусины.

– Зачем?

– Сделаем вид, что так и было задумано.

Она провела пальцами над прорезью, не касаясь её.

– Зашить незаметно нельзя. Значит, надо сделать заметно красиво.

Старшая женщина скрестила руки.

– Продолжайте.

Анфиса быстро разложила ткань.

– Разрыв идёт вниз. Если просто свести края, ткань потянет. Через двадцать минут на модели всё поползёт снова. Поэтому здесь...

Она взяла портновский мел.

– ...мы не прячем линию. Мы её продолжаем.

Несколько штрихов. Одна из мастериц наклонилась.

– Ветка?

– Нет. Нить.

– Какая нить?

Анфиса улыбнулась.

– Та, за которую зритель захочет потянуть.

Через несколько минут она уже работала. Игла входила в ткань почти бесшумно. Золотая нить ложилась вокруг повреждения тонкой неправильной линией, будто трещина превратилась в рисунок. Анфиса не замечала времени. В такие минуты мир вокруг исчезал. Оставались ткань, пальцы, игла и ощущение, что вещь сама подсказывает, какой хочет стать.

– Семь минут, – сказала женщина.

– Знаю.

– Откуда?

– Вы тяжело дышите.

Одна из мастериц отвернулась, пряча улыбку. Анфиса сделала последний стежок. На месте разрыва теперь шла тонкая золотая линия, которая распадалась у бедра на несколько почти невидимых ответвлений с прозрачными бусинами. Порез не исчез. Он стал частью замысла.

Тамара Сергеевна – Анфиса уже догадалась, что именно так зовут старшую женщину, – приблизилась к манекену. Провела пальцами рядом со швом. Потом посмотрела на Ан-

фису.

– Где вы учились?

Анфиса назвала колледж.

– Опыт?

– Ателье. Театр. Частные заказы. Один очень богатый кот. Женщина нахмурилась.

– Что?

– Хозяйка заказала ему цилиндр на день рождения.

В мастерской засмеялись. Даже Тамара Сергеевна не выдержала.

– И как?

– Кот был недоволен. Но ему шло.

Тамара Сергеевна снова посмотрела на платье.

– Когда можете приступить?

Анфиса моргнула.

– Это собеседование?

– Уже нет.

– Тогда сегодня.

– Сначала документы.

– Конечно.

Тамара Сергеевна протянула руку.

– Добро пожаловать в «Элизиум».

Анфиса пожала её.

– Спасибо.

И впервые за утро почувствовала, как сильно нервничала на самом деле.

* * *

Марина Волкова ненавидела примерки перед обедом. Особенно если обед откладывался уже второй раз.

– Нет.

– Марина...

– Нет.

– Ты даже не посмотрела.

– Я посмотрела.

– Две секунды.

– Мне хватило.

Стилист Вера закатила глаза.

– Иногда я думаю, что тебе не платье надо показывать, а результаты голосования.

– Если большинство за платье, большинство ошибается.

Марина стояла перед огромным зеркалом в примерочной в чёрном белье и открытом шёлковом халате. Красота давно перестала казаться ей чем-то особенным. Её замечали всюду. В ресторанах. На улице. В аэропортах. На съёмках. Она знала, какой ракурс любит камера, как поставить плечо, куда перенести вес, когда улыбнуться и когда не улыбаться совсем.

Иногда внимание мужчин раздражало. Иногда нравилось. А иногда она просто переставала его замечать, как шум кондиционера.

– Следующее, – сказала Марина.

Вера вышла. Марина подняла волосы и посмотрела на се-

бя. Серо-зелёные глаза. Высокие скулы. Тонкая линия носа.

Мать когда-то говорила, что она похожа на отца. Марина почти не помнила её голоса. Слишком маленькая была. Память сохранила не лицо, а отдельные детали: запах пудры, холодную металлическую застёжку на сумке, пальцы, заправляющие ей волосы за ухо. Странно, какие вещи остаются после человека.

Дверь приоткрылась.

– Марина, стой спокойно.

– Я стою.

– Ты уже надела халат неправильно.

– Не знала, что его можно надеть неправильно.

Вера вошла с платьем. За ней появилась незнакомая девушка. Светловолосая. Тонкая. С булавками между пальцами.

– Это Анфиса, новая модистка, – сказала Вера. – Тамара Сергеевна прислала помочь.

Марина посмотрела на неё через зеркало. Анфиса тоже посмотрела. На мгновение обе замолчали. Не было ничего необычного. Обычная незнакомка. Красивое лицо. Светлые волосы. Слишком внимательный взгляд.

Но у Марины внутри вдруг что-то дрогнуло. Словно она открыла дверь в комнату, где уже когда-то была. Анфиса нахмурилась. Совсем чуть-чуть. Потом подняла руку и поправила волосы у виска.

Марина медленно опустила свою. Она только что сделала

то же самое.

– Мы знакомы? – спросила Марина.

– Думаю, нет.

– Ты так на меня смотришь.

– Вы первая начали.

– На «ты».

– Тогда ты первая начала.

Вера закрыла глаза.

– Господи. Вас нельзя было знакомить.

Марина чуть улыбнулась.

– Почему?

– Потому что теперь вас две.

Анфиса подошла с платьем.

– Руку.

Марина протянула. Анфиса помогла ей надеть вещь, поправила плечо, затем присела у подола.

– Здесь длину надо убрать.

– Мне сказали оставить.

– Зачем?

– Так придумал дизайнер.

Анфиса посмотрела снизу вверх.

– А ходить тоже дизайнер будет?

Марина неожиданно рассмеялась.

– Уже нравишься.

– Я ещё ничего не сделала.

– Вот поэтому.

Анфиса заколола ткань. Потом встала и быстро провела пальцами по линии талии, собирая лишний объём. Марина снова поймала её взгляд в зеркале. Странное ощущение не уходило.

– Ты давно в Москве?

– Давно.

– А раньше здесь работала?

– Нет.

– На показах?

– Иногда.

– Фотографии?

Анфиса повернула голову.

– Ты пытаешься выяснить, где меня видела?

– Да.

– И?

– Не получается.

Анфиса пожала плечами.

– Может, у меня лицо распространённое.

Марина посмотрела на её отражение.

– Нет.

Сказала слишком быстро. И сама не поняла почему. В этот момент в примерочную заглянула Вера.

– Марина, у тебя через двадцать минут встреча с Эдвардом.

Марина сразу изменилась. Совсем немного, но Анфиса заметила.

– Он приехал?

– Едет.

– Цветы уже прислал?

– Конечно.

– Какие?

– Пионы.

– Опять?

– Богатые мужчины тоже способны на постоянство.

Марина улыбнулась.

– Передай, чтобы поставили в переговорной.

Анфиса продолжила закалывать платье.

– Поклонник?

Марина посмотрела на неё.

– Очень любопытная?

– Нет. Просто он присылает пионы в сентябре. Значит, либо очень влюблён, либо очень богат.

– Второе точно.

– А первое?

Марина чуть задумалась.

– Посмотрим.

Анфиса ничего не ответила. Но почему-то эта короткая пауза Марине не понравилась.

* * *

Через час Анфиса заблудилась. «Элизиум» оказался устроен так, будто архитектор одновременно хотел впечатлить гостей и наказать сотрудников. Коридоры переходили

один в другой, лестницы неожиданно заканчивались закрытыми дверями, а один и тот же лифт Анфиса умудрилась встретить трижды.

– Прекрасно, – сказала она. – Первый день, а я уже живу здесь.

Она свернула за угол. Тупик. Справа стоял ещё один стеклянный шкаф с архивными вещами. Анфиса подошла. И замерла.

Серебряная булавка. Та самая. Странно. Она была уверена, что утром видела её на первом этаже. Наверное, перепутала.

За стеклом рядом лежала маленькая карточка: Серебряная булавка. 1998 год. Архив Е. В. Е. В.

Анфиса сама не понимала, почему эти две буквы её зацепили. Она посмотрела по сторонам. Никого. Стекло дверца была приоткрыта.

– Не трогать, – прочитала она маленькую надпись.

Помолчала.

– Вот теперь обязательно.

Анфиса осторожно открыла дверцу. Взяла булавку. Металл оказался неожиданно тёплым. А потом исчез коридор. Не постепенно.

Сразу. Женский крик. Яркий свет. Комната. Нет – не комната.

Чужая память. Женщина стояла у большого окна. Молодая. Тёмные волосы рассыпаны по плечам. Она плакала.

Перед ней на ковре сидели трое детей. Мальчик. Девочка. И совсем маленький ребёнок, завернутый в светлое одеяло.

– Антон, возьми Марину за руку.

Голос женщины дрожал. Мальчик что-то сказал. Анфиса не разобрала.

– Мамочка...

Девочка плакала. Женщина резко обернулась. Где-то хлопнула дверь.

– Быстро.

Она опустилась перед детьми. Поцеловала мальчика. Потом девочку. И прижала к себе младенца. На её запястье блеснул серебряный браслет.

Анфиса перестала дышать. Она знала этот браслет. У неё дома лежал такой же. Единственная вещь, оставшаяся от женщины, которую приёмная мать всегда называла просто: «твоя мама». Изображение дёрнулось.

Женщина подняла голову. И на мгновение посмотрела прямо на Анфису. Как будто увидела её.

– Я найду вас.

Булавка выпала из рук. Анфиса вскрикнула. Коридор вернулся. Она стояла у стеклянного шкафа, прижав ладонь к груди. На полу лежала серебряная булавка.

– Что вы делаете?

Анфиса резко обернулась. В конце коридора стоял охранник.

– Ничего.

Он посмотрел на открытую витрину. Потом на булавку.

– Архивные вещи запрещено трогать.

– Я уже поняла.

– Вы сотрудник?

– С сегодняшнего дня.

Он подошёл.

– Удачно начали.

Анфиса присела и подняла булавку двумя пальцами. Теперь металл был холодным. Обычным. Совершенно обычным. Она положила вещь обратно.

– Простите.

Охранник закрыл витрину.

– В следующий раз зовите сотрудника архива.

– Обязательно.

Он ушёл. Анфиса осталась одна. Её руки дрожали. «Показалось». Она повторила это мысленно.

Показалось. Нервное напряжение. Первый рабочий день. Незнакомое место. Старые воспоминания.

Мозг способен на странные вещи. Но оставалась одна проблема. Анфиса никогда прежде не слышала имён этих детей. Антон. Марина.

Она медленно подняла голову. Марина Волкова. Та самая девушка из примерочной. У Анфисы пересохло во рту.

– Нет.

Она почти рассмеялась. Глупость. Марина – распространённое имя. Антон тоже. А человеческий мозг умеет под-

ставлять знакомые слова в бессмысленные картины.

Анфиса закрыла глаза. И снова увидела тёмноволосую женщину. Серебряный браслет. Трёх детей. «Я найду вас».

Она достала телефон. Нашла фотографию, которую делала несколько месяцев назад. На ладони лежал её браслет. Серебряный. С тем же узором переплетённых нитей.

Анфиса приблизила снимок. Потом посмотрела на булавку за стеклом. Рисунок был одинаковым. Совершенно одинаковым. В конце коридора раздались женские голоса.

Анфиса быстро убрала телефон. Мимо прошли две сотрудницы. Одна сказала другой:

- Марина сегодня опять с Ланским обедает?
- Да. Говорят, он уже совсем потерял голову.
- За Волковой неудивительно.

Голоса стихли. Анфиса осталась у витрины. Впервые за много лет ей захотелось позвонить женщине, которая вырастила её. Спросить. Потребовать ответов. Услышать привычное: «Не выдумывай, Анфиска».

Но позвонить было некому. Приёмную мать похоронили четыре месяца назад. И вместе с ней исчезла единственная возможность спросить, откуда на самом деле взялся серебряный браслет. Анфиса посмотрела в сторону примерочных. Где-то там сейчас была Марина Волкова.

Незнакомая женщина, увидев которую Анфиса тоже почему-то почувствовала странную близость. Она покачала головой.

– Первый день, Орлова, – прошептала Анфиса. – Просто прекрасный первый день.

Но, уходя, она ещё раз оглянулась на витрину. На маленькой карточке под булавкой значилось: Архив Е. В. А ниже, почти стёртыми буквами, была приписана фамилия, которую утром Анфиса не заметила. Волкова.

Глава 2. Слишком похожие

На второй день Анфиса пришла в «Элизиум» на двадцать минут раньше. Не потому, что испугалась Тамары Сергеевны. По крайней мере, именно так она объясняла себе собственную пунктуальность, пока стояла у служебного входа с бумажным стаканчиком кофе и смотрела на стеклянный фасад Дома моды, в котором вчера успела получить работу, заблудиться, нарушить правило архива и увидеть то, чего видеть не могла.

За ночь воспоминание не потускнело. Напротив. Стоило Анфисе закрыть глаза, и перед ней возникала женщина у окна. Тёмные волосы, побелевшие от страха губы, трое детей на ковре, серебряный браслет на запястье. Антон. Марина. Анфиса.

Она повторяла эти имена в голове столько раз, что к утру они стали почти бессмысленными. Анфиса не верила в мистику. Вернее, очень старалась не верить. Существование чужих воспоминаний в старых вещах плохо сочеталось с квартплатой, кофе навынос, маршрутами метро и необходимостью вовремя сдавать работу. Мир был удобнее, когда в нём всё можно было объяснить.

Но серебряный браслет объясняться не хотел. Ночью Анфиса достала его из маленькой деревянной шкатулки, в которой хранила несколько вещей приёмной матери. Браслет

лежал там много лет: тонкий, прохладный, с узором из переплетённых нитей. Она знала его с детства и никогда не придавала ему особого значения. Теперь рисунок казался почти вызывающим.

Точно такой же узор был на архивной булавке «Элизима». Анфиса даже сфотографировала браслет с нескольких ракурсов, увеличила изображение, сравнила по памяти с тем, что видела в витрине. Совпадение было слишком точным. И всё же утром она решила начать с простого. С работы.

Иногда лучший способ не сойти с ума – заняться чужими шляпами.

– Вы сегодня подозрительно вовремя, – заметила администратор, увидев её.

– Я решила дать вам шанс соскучиться.

– За один вечер?

– У людей бывают разные способности.

Девушка улыбнулась.

– Четвёртый этаж. Тамара Сергеевна уже здесь.

– Она вообще уходит домой?

– Никто не проверял.

Анфиса направилась к лифту. У витрины с серебряной булавкой она не остановилась. Почти. Только чуть замедлила шаг. Но смотреть не стала.

* * *

Утро началось с коробки пуговиц. Тамара Сергеевна по-

ставила её перед Анфисой так торжественно, будто передавала государственную тайну.

– Перебрать.

Анфиса посмотрела внутрь.

– Все?

– Все.

– Здесь их тысячи три.

– Две тысячи восемьсот сорок семь.

Анфиса подняла глаза.

– Вы считали?

– Нет. Но теперь мне будет приятно, если вы проверите.

Анфиса вздохнула. Вчера она спасла платье для показа. Сегодня сортировала пуговицы. Карьерный рост оказался стремительным, но странным.

– По размеру, цвету и материалу, – продолжила Тамара Сергеевна. – Перламутр отдельно. Винтаж отдельно. Металл отдельно. Эти не выбрасывать, даже если выглядят бесполезными.

– А если они действительно бесполезные?

– В моде это не аргумент.

Анфиса кивнула.

– Уже начинаю понимать философию дома.

Тамара Сергеевна отошла к другому столу. Через полчаса Анфиса обнаружила, что сортировка пуговиц действует почти успокаивающе. Вещи не задавали вопросов. Маленькие, гладкие, холодные, каждая занимала своё место. Она пере-

бирала их одну за другой и старалась не думать о фамилии Волкова.

Получалось плохо.

– Ты всегда так морщишь нос?

Анфиса подняла голову. Марина стояла у её стола в белой рубашке и узких чёрных брюках, без сценического макияжа и без той отстранённой неприступности, которая появлялась у неё на примерке.

– Как?

– Вот так.

Марина чуть сморщила нос. Анфиса невольно повторила движение. Обе замерли.

– Нет, – сказала Анфиса.

– Что «нет»?

– Я так не делаю.

Марина скрестила руки.

– Только что сделала.

– Это было случайно.

– Вчера волосы. Сегодня нос.

– Завтра выяснится, что мы обе умеем моргать.

Марина улыбнулась, но смотрела внимательно.

– Тебе не кажется это странным?

– Мне много чего кажется странным.

– Например?

Анфиса почти ответила: «Например, то, что я видела тебя ребёнком в чужом воспоминании». Но вместо этого взяла

следующую пуговицу.

– Например, то, что известная модель стоит рядом со мной и следит, как я морщу нос.

– Не лести себе. Я пришла за воротником.

– Он справа.

Марина взяла со стула упакованный воротник, но не ушла. Анфиса почувствовала её взгляд.

– Что ещё?

– Ты вчера сказала, что у тебя лицо распространённое.

– Допустим.

– Я подумала.

– Опасное занятие.

– Очень смешно. Я решила, что ты была права.

Анфиса подняла бровь.

– Правда?

– Нет. Я всё равно не понимаю, где тебя видела.

– Может, нигде.

– Может.

Марина помолчала, потом спросила:

– У тебя есть брат?

Пуговица выпала из пальцев Анфисы. Совсем маленькая, чёрная, она ударилась о стол и покатилась на пол. Анфиса наклонилась за ней слишком быстро.

– Нет.

– Сестра?

– Тоже нет.

– Родители?

На этот раз Анфиса подняла взгляд. Марина сразу поняла, что зашла дальше, чем следовало.

– Извини.

– Всё нормально. Приёмная мама умерла четыре месяца назад.

– А родные?

– Не знаю.

Марина опустила глаза.

– Совсем?

– Совсем.

Несколько секунд они молчали. В мастерской стучала машинка, шелестела ткань, кто-то спорил о длине рукава. Марина тихо сказала:

– У меня мама тоже умерла. Давно.

Анфиса почувствовала, как внутри всё сжалось.

– Давно – это когда?

– Я была маленькой.

– А брат?

– Есть. Старше меня на три года.

Анфиса смотрела на неё слишком внимательно. Марина заметила.

– Что?

– Ничего.

– Ты опять так делаешь.

– Как?

– Будто слышишь не то, что я говорю, а что-то ещё.

Анфиса отвернулась к коробке.

– Профессиональная деформация.

– У модисток?

– У любопытных женщин.

Марина фыркнула.

– Всё-таки ты меня раздражаешь.

– Это уже было вчера.

– Значит, стабильно.

Марина взяла воротник и направилась к двери. У самого выхода остановилась.

– Кстати, я Марина.

Анфиса усмехнулась.

– Я догадалась.

– А я Анфиса, – сказала Марина нарочито серьёзно.

Анфиса рассмеялась. Марина вышла. И только после этого Анфиса заметила, что держит в пальцах старую перламутровую пуговицу так крепко, что на коже остался круглый след.

* * *

Антон Волков не любил Дом моды. Не потому, что считал его поверхностным или бесполезным. Напротив, он прекрасно понимал, сколько труда скрывается за десятью минутами показа. Его раздражала сама атмосфера «Элизиума» – слишком много людей, которые спешили так, будто от правильного расположения софитов зависела судьба страны. Но

именно поэтому он здесь работал.

Архитектор по профессии, Антон несколько лет занимался выставочными пространствами, оформлением шоурумов и временных павильонов. Для «Элизиума» он проектировал новую сцену к сезонному показу. Работа была интересной. Люди – не всегда. Он вошёл через служебный коридор с рулоном чертежей под мышкой, телефон зажал между плечом и ухом.

– Нет, – сказал он. – Подиум нельзя расширить на метр.
Пауза.

– Потому что тогда модели будут выходить прямо в колонну.

Ещё пауза.

– Да, колонну можно убрать. Вместе с половиной здания. Он отключился и толкнул дверь мастерской.

– Марина здесь?

– В примерочной, – ответила одна из сотрудниц.

Антон кивнул.

– Спасибо.

В этот момент что-то ударилось ему в ногу. Он посмотрел вниз. Пуговица. Потом ещё одна. И ещё.

Через секунду из-за стола вылетела целая коробка. Сотни пуговиц рассыпались по полу.

– Нет!

Анфиса замерла посреди мастерской. На её лице было такое отчаяние, будто она только что разрушила карьеру, го-

сударственную границу и чей-то брак одновременно. Антон посмотрел на пол.

– Серьёзно?

– Даже не говорите.

– Я ещё ничего не сказал.

– Но подумали.

– Это преступление?

– Пока нет.

Анфиса опустилаcь на колени и начала собирать пуговицы. Антон постоял секунду. Потом положил чертежи на ближайший стол и присел рядом.

– Какие куда?

Она посмотрела на него. Высокий, тёмноволосый, в сером пиджаке без галстука. Спокойное лицо, внимательный взгляд. Не красавец в привычном рекламном смысле, но из тех мужчин, на которых начинаешь смотреть дольше, чем собиралась.

– Вы не обязаны.

– Я уже сел.

– Это не аргумент.

– Для коленей – вполне.

Анфиса чуть улыбнулась.

– Светлые в эту коробку. Тёмные сюда. Металл отдельно.

– А эти?

Он поднял большую зелёную пуговицу.

– Винтаж.

- Откуда вы знаете, что она винтажная?
- Она выглядит так, будто помнит Брежнева.

Анфиса рассмеялась.

- Хороший критерий.

Они продолжили собирать. Несколько раз их руки почти сталкивались. Ничего особенного. Но Анфиса неожиданно заметила его пальцы – длинные, сильные, с маленькой царапиной у большого пальца. Он поднял ещё одну пуговицу и протянул ей.

- Перламутр?

- Да.

- Учусь.

- Ещё час – и сможете менять профессию.

- Спасибо. Я только что впервые почувствовал перспективу.

Анфиса посмотрела на него.

- Вы здесь работаете?

- Иногда.

- Очень конкретно.

- Я архитектор. Делаю сцену для показа.

- Значит, это вы придумали коридоры?

- Нет.

- Хорошо. Иначе я бы отказалась с вами разговаривать.

Он улыбнулся.

- Уже успели заблудиться?

- Три раза.

– Нормально. Марина здесь пять лет и всё равно путает две лестницы.

Анфиса замерла.

– Марина?

– Волкова.

– Вы её знаете?

Антон поднял голову.

– Вообще-то да.

В его голосе прозвучало что-то такое, что Анфиса не успела расшифровать. В этот момент дверь мастерской открылась. Марина вошла и сразу остановилась. На полу сидели Антон и Анфиса. Между ними лежали россыпи пуговиц.

– Прекрасно, – сказала Марина. – Я отсутствовала десять минут.

Антон поднялся.

– Привет.

– Что ты делаешь на полу?

– Строю карьеру в швейной промышленности.

Марина перевела взгляд на Анфису. Та всё ещё сидела на корточках.

– Вы знакомы?

– Минут пять, – ответил Антон.

– Уже подозрительно.

Анфиса поднялась.

– Он помогает мне собирать последствия моего профессионализма.

– Антон всегда помогает женщинам, которые роняют что-нибудь рядом с ним.

– Не слушай её, – сказал он.

Марина подошла и обняла брата за плечи.

– Это Антон. Мой брат.

Анфиса перестала улыбаться. На долю секунды. Но Антон заметил.

– Всё нормально?

– Да.

Она быстро наклонилась за последней пуговицей. Антон. Имя из воспоминания. Брат Марины. Тридцать лет.

На вид примерно так. Анфиса выпрямилась, стараясь дышать ровно. Марина смотрела на неё.

– Ты опять странная.

– Это мой базовый режим.

Антон усмехнулся.

– Уже нравится.

Марина повернулась к брату.

– Что?

– Манера отвечать.

– Даже не начинай.

– Что именно?

– Ничего.

Анфиса заметила, как Марина поправила волосы за ухом. И почти одновременно сама сделала то же самое. Антон посмотрел сначала на одну, потом на другую.

– Подождите.

Обе женщины замерли.

– Что?

– Вы только что сделали одинаково.

Марина медленно опустила руку. Анфиса тоже.

– Видишь? – сказала Марина. – Я не сумасшедшая.

– Я этого не говорил.

– Но думал.

Антон снова посмотрел на Анфису. Теперь внимательнее.

– Вы родственницы?

Вопрос прозвучал легко. Случайно. Но Анфису словно обдало холодом.

– Нет, – ответила она слишком быстро.

Марина нахмурилась.

– Точно?

– Мне об этом ничего не известно.

Тамара Сергеевна из дальнего конца мастерской повысила голос:

– Анфиса! Если пуговицы уже обрели личную жизнь, может быть, вы всё-таки вернётесь к работе?

– Иду!

Анфиса схватила коробку. Антон помог поставить её на стол.

– Спасибо.

– За пуговицы?

– За то, что не наступили.

– Я архитектор. Мы обычно стараемся не разрушать конструкцию.

– Хорошее качество.

Их взгляды встретились. На этот раз никто не отвёл глаза сразу. Анфиса почувствовала странное спокойствие. Не волнение. Именно спокойствие.

Такое, будто рядом с этим человеком ничего плохого произойти не может. Это было неожиданно. И почему-то опаснее обычного флирта. Антон первым отступил.

– Марин, у тебя есть пять минут?

– У меня всегда есть пять минут, если ты пришёл пожаловаться на сцену.

– Я пришёл не жаловаться. Я пришёл объяснить, почему нельзя передвинуть стену.

– Значит, жаловаться красиво.

Они вышли из мастерской. Анфиса смотрела им вслед. Марина что-то говорила, Антон слушал, слегка наклонив голову. Брат и сестра. Настоящие.

Близкие. Те самые имена. Она заставила себя отвернуться. Совпадение. Просто совпадение.

* * *

В переговорной Марина разложила эскизы сцены и почти сразу перестала на них смотреть.

– Ну?

Антон поднял глаза.

– Что «ну»?

- Анфиса.
- Что Анфиса?
- Тебе понравилась.
- Я помог ей собрать пуговицы.
- Это у тебя теперь называется так?

Антон откинулся на спинку кресла.

- Марина.
- Антон.
- Тебе двадцать семь.
- Спасибо, что напомнил.
- Мне тридцать.
- Тоже помню.

– Значит, мы способны пережить ситуацию, в которой я поговорил с женщиной без твоего расследования.

Марина усмехнулась.

- Ты редко так смотришь.
- Как?
- Будто тебе интересно.

Антон задумался.

- Она смешная.
- Это всё?
- А должно быть больше?
- Не знаю.

Марина провела пальцем по краю стола.

- Она странная.
- Ты тоже.

– Нет. Я сложная.

– Конечно.

– И она на меня похожа.

Антон чуть улыбнулся.

– Не внешне.

– Я не про внешность.

Он вспомнил одинаковое движение рук.

– Есть что-то.

– Вот.

– Люди иногда похожи.

– Ты всегда всё объясняешь.

– Это полезная привычка.

Марина посмотрела на него.

– А если не объясняется?

– Тогда надо собрать больше фактов.

– Господи, как с тобой скучно.

– Зато надёжно.

Она улыбнулась. И вдруг спросила:

– Ты помнишь маму?

Антон перестал улыбаться. Вопрос был слишком неожиданным.

– Немного.

– Больше, чем я?

– Наверное.

– Она так делала?

– Как?

Марина поправила волосы у виска. Антон посмотрел на её руку.

– Не помню.

– А нос морщила?

Он рассмеялся.

– Марин, тебе чего хочется услышать?

– Не знаю.

Она отвела взгляд.

– Просто Анфиса меня раздражает. И при этом мне всё время кажется, будто она уже была где-то рядом.

Антон помолчал.

– Может, виделась на съёмках.

– Может.

– Или ты её просто придумала раньше, чем встретила.

– Это уже звучит как диагноз.

– У тебя богатое воображение.

Марина взяла карандаш.

– Ладно. Показывай свою стену.

Антон развернул чертёж. Но спустя несколько минут поймал себя на том, что думает не о стене. Светлые волосы. Зелёная пуговица. Смешинка в глазах.

«Он помогает мне собирать последствия моего профессионализма». Он усмехнулся. Марина сразу заметила.

– Вот.

– Что?

– Опять.

– Работай.

* * *

К обеду Анфиса всё-таки закончила пуговицы. Она даже пересчитала две коробки, но остановилась, когда поняла, что Тамара Сергеевна вполне могла действительно знать точное число.

– Перерыв, – сказала одна из мастериц. – Пойдёшь?

– Через минуту.

Анфиса осталась одна. На столе лежал небольшой образец ткани из архивного платья, которое утром принесли для реставрации. Она старалась не смотреть на него. Вчерашнего опыта было достаточно. Но ткань будто притягивала внимание.

Тёмно-синяя, плотная, с почти стёртой вышивкой по краю. Анфиса протянула руку. Остановилась.

– Нет.

Отдёрнула пальцы. Через секунду снова посмотрела.

– Я сказала нет.

Разумеется, ткань не ответила. Анфиса засмеялась сама над собой. И тут в мастерскую заглянул Антон.

– Можно?

Она быстро убрала руку.

– Если зашли – уже можно.

– Марина убежала на примерку. Я хотел спросить...

Он остановился.

– Что?

– Кофе.

– Что кофе?

– Вы пьёте?

– Иногда даже добровольно.

– Тогда после работы?

Анфиса посмотрела на него. Предложение было простым. Спокойным. Без демонстративного мужского самодовольства, без уверенности, что она обязательно согласится. И именно поэтому ей захотелось согласиться.

– Сегодня?

– Если у вас нет планов.

– Есть.

Антон кивнул.

– Тогда в другой раз.

Он уже собирался уйти.

– Подождите.

Анфиса сама не поняла, зачем сказала это.

– Какие у меня планы?

– Вы мне не докладывали.

– Вот именно. Я тоже не знаю.

Антон улыбнулся.

– Значит?

Она посмотрела на часы.

– Я заканчиваю в семь.

– В семь десять у входа?

– Почему не в семь?

– Мне понадобится десять минут, чтобы найти выход из этого здания.

Анфиса рассмеялась.

– Справедливо.

– Договорились?

Она кивнула.

– Договорились.

Антон ушёл. Анфиса ещё несколько секунд смотрела на дверь. Потом медленно выдохнула.

– Очень разумно, Орлова.

Она вернулась к столу. Но работать не смогла сразу. В груди было тепло. Лёгкое, почти забытое ощущение ожидания. Не влюблённость.

Даже не сильная симпатия. Просто интерес. И что-то ещё, чему она пока не хотела давать имя.

* * *

Вечером Марина первой заметила, что брат не уехал. Она вышла из гримёрной в пальто и увидела Антона у входа. Он стоял рядом с колонной, смотрел в телефон и явно кого-то ждал.

– Ты ещё здесь?

Он поднял голову.

– Как видишь.

– Кого ждёшь?

– Такси.

Марина посмотрела через стекло. На парковке стоял его

автомобиль. Потом снова на брата.

– Какое интересное такси.

Антон вздохнул.

– Марина.

– Анфису?

Он ничего не ответил. Этого было достаточно. Марина чуть прищурилась.

– Быстро.

– Что быстро?

– Ты обычно месяц решаешь, стоит ли женщине написать.

– Я не приглашал её замуж.

– Пока.

– Иди домой.

– Ты нервничаешь.

– Нет.

– Значит, она тебе действительно понравилась.

Антон посмотрел на сестру.

– А тебе какое дело?

Марина сама удивилась, что не сразу нашла ответ. Какое? Никакого. Анфиса была просто новой сотрудницей. Слишком дерзкой.

Слишком любопытной. Слишком похожей на кого-то, кого Марина не могла вспомнить.

– Никакого, – сказала она.

Дверь лифта открылась. В холл вышла Анфиса. На ней было светлое пальто, волосы теперь свободно лежали на пле-

чах. Увидев Антона, она улыбнулась. И в эту секунду Марина почувствовала странный укол.

Не ревность. Совсем не ревность. Скорее ощущение, будто кто-то незнакомый слишком быстро вошёл в пространство, которое много лет принадлежало только ей и брату. Анфиса подошла.

– Я не опоздала?

– На две минуты, – сказал Антон.

– Значит, ты дал мне время подготовиться.

Он засмеялся. Марина узнала её вчерашнюю интонацию.

– Вы уже шутите одинаково? – спросила она.

Анфиса посмотрела на неё.

– Это заразно.

– Будь осторожнее. У него ещё есть привычка всех спасать.

– Я заметила.

Антон покачал головой.

– Вы обе можете перестать обсуждать меня при мне?

– Нет, – одновременно ответили Марина и Анфиса.

Тишина. Они посмотрели друг на друга. Антон рассмеялся первым. Марина тоже. Анфиса чуть позже.

Но её улыбка дрогнула. Слишком часто. Слишком похоже. Она вспомнила троих детей на ковре. «Антон, возьми Марину за руку».

Ей вдруг стало холодно.

– Всё хорошо? – спросил Антон.

– Да.

– Ты побледнела.

– Просто устала.

Марина продолжала смотреть на неё. Анфиса почувствовала это и поспешно застегнула пальто.

– Пойдём?

– Пойдём, – сказал Антон.

Они направились к выходу. Марина осталась в холле. Через стекло она увидела, как Антон что-то сказал Анфисе, та засмеялась, потом подняла воротник от ветра. Он придержал для неё дверь автомобиля. Марина неожиданно вспомнила детство.

Очень коротко. Комната. Чья-то рука. Светлые волосы ребёнка. Она замерла.

Образ исчез прежде, чем успел стать воспоминанием. Марина прикоснулась пальцами к виску.

– Глупости, – сказала она.

Но не ушла сразу.

* * *

Антон отвёз Анфису не в ресторан. Она этому обрадовалась. Они остановились у маленькой кофейни на тихой улице, где пахло корицей и свежим хлебом. За окном шёл дождь, и от этого внутри было особенно уютно.

– Значит, архитектор, – сказала Анфиса, снимая пальто.

– Значит, модистка.

– Очень содержательный разговор.

– Мы только начали.

Они сели у окна. Антон заказал чёрный кофе. Анфиса – капучино.

– Сахар? – спросил он.

– Нет.

– Марина тоже пьёт без сахара.

Анфиса подняла глаза.

– Ты часто её вспоминаешь?

– Она моя сестра.

– Это не ответ.

Антон улыбнулся.

– Да. Часто.

– Вы близки?

– Очень.

Анфиса провела пальцем по краю чашки.

– Хорошо, наверное.

– Что?

– Иметь человека, который знает тебя всю жизнь.

Антон посмотрел внимательнее.

– У тебя совсем никого?

– Есть друзья.

– Я про семью.

– Нет.

Она сказала это спокойно, но он почувствовал, что за спокойствием что-то есть.

– Извини.

– Не надо. Ты не виноват, что спросил.

– Приёмная мать?

Она коротко кивнула.

– Она была хорошей?

Анфиса долго не отвечала.

– Да. Очень.

– Но?

Она усмехнулась.

– Почему обязательно «но»?

– Потому что ты сказала «очень» так, будто за ним ещё десять предложений.

Анфиса посмотрела на него. Ей понравилось, что он слышит оттенки.

– Она любила меня. Но кое о чём никогда не говорила.

– О родителях?

– Например.

– Ты пыталась искать?

– Когда была младше. Потом перестала.

– Почему?

Анфиса посмотрела в окно.

– Потому что иногда проще считать, что тебя оставили случайно, чем узнать, что намеренно.

Антон молчал. Не сказал привычного «всё могло быть не так». Не начал утешать. Просто остался рядом. И это снова вызвало в Анфисе то странное спокойствие.

– А ты? – спросила она. – Помнишь родителей?

– Отца хорошо. Маму хуже.

– Марина сказала, что она умерла, когда вы были маленькими.

– Да.

– Сколько тебе было?

Антон нахмурился, вспоминая.

– Около шести.

Анфиса почувствовала, как сердце ударило сильнее. Да-ты. Возраст. Всё совпадало слишком легко.

– А Марине было около трёх?

– Примерно.

– Почему «примерно»?

Антон улыбнулся.

– Потому что я не веду семейную бухгалтерию.

Анфиса тоже улыбнулась, но пальцы под столом сжались.

– А младших детей не было?

Вопрос прозвучал слишком прямо. Антон посмотрел на неё.

– Нет.

– Совсем?

– Нас двое.

Анфиса ответила кивком.

– Понятно.

– Почему спрашиваешь?

Она пожала плечами.

– Просто разговор.

Антон не стал настаивать. За окном дождь стал сильнее. Они говорили почти два часа. О работе. О Москве.

О людях, которые делают вид, что разбираются в искусстве. О кошке в цилиндре. Антон рассказал, как однажды проектировал выставку, где заказчик потребовал «больше воздуха», но отказался убрать хотя бы одну стену. Анфиса смеялась так, что у неё выступили слёзы. Когда вышли из кофейни, дождь уже почти прекратился.

У машины она задержалась.

– Спасибо.

– За кофе?

– За то, что не задавал лишних вопросов.

– Я задавал.

– Но вовремя останавливался.

Антон открыл ей дверь.

– Увидимся завтра?

– Если Тамара Сергеевна не убьёт меня пуговицами.

– Я поговорю.

– Не смей.

– Почему?

Анфиса посмотрела на него.

– Потому что я не хочу, чтобы меня спасали.

Антон чуть улыбнулся.

– Хорошо.

– Правда?

– Правда.

– И даже спорить не будешь?

– Нет.

Она села в машину. Антон закрыл дверь. И впервые за долгое время поймал себя на том, что ему не хочется, чтобы вечер заканчивался.

* * *

Ночью Анфиса снова достала серебряный браслет. Положила его на ладонь. Вспомнила Антона. Его спокойный голос. Смех.

То, как легко рядом с ним было молчать. Потом – Марину. Одинаковые движения. Станный взгляд. Слова о матери.

Она на мгновение прикрыла глаза.

– Это ничего не значит.

Браслет лежал неподвижно. Холодный. Молчаливый. Она положила его обратно в шкатулку. Закрыла крышку.

И уже собиралась выключить свет, когда заметила на внутренней стороне крышки маленькую выцветшую полоску бумаги. Раньше она казалась частью подкладки. Анфиса подцепила её ногтем. Бумага отогнулась. Под ней была надпись.

Всего два слова. Написанные почти стёршимися чернилами: «Для Анфисы». Она застыла. А ниже – три инициала. А. М. А.

Анфиса перечитала. Раз. Второй. Третий. И впервые подумала не о совпадении.

А о том, что кто-то много лет назад оставил ей след.

Глава 3. Эдвард

Эдвард Ланской приезжал в «Элизиум» так, будто Дом моды принадлежал ему чуть больше, чем остальным. Формально это было не так. Он не был владельцем, не занимал кабинет на верхнем этаже и не вмешивался в работу дизайнеров. Но именно его деньги несколько лет назад позволили «Элизиуму» пережить тяжёлый сезон, открыть новое направление и сохранить имя, которое уже начинало становиться легендой.

С тех пор к его появлению привыкли. Охрана здоровалась первой. Администраторы знали, какой кофе он пьёт. Сотрудники переставали спорить слишком громко, когда он проходил мимо. Эдвард замечал всё это и делал вид, что не замечает.

В то утро он приехал раньше обычного. На заднем сиденье автомобиля лежал огромный букет белых пионов. В сентябре они стоили неприлично дорого. Именно поэтому Эдвард покупал их Марине уже третий раз. Не потому, что хотел впечатлить ценой. Просто однажды она сказала, что любит пионы тогда, когда их уже не должно быть.

Эдвард запомнил. Он вообще запоминал то, что могло пригодиться.

– В переговорную? – спросил администратор, увидев цветы.

– Нет. Сегодня сама передай.

– Марине?

Эдвард посмотрел на неё.

– А у нас появилась другая женщина, которой я регулярно присылаю пионы?

Девушка смутилась.

– Нет.

– Тогда Марине.

Он прошёл к лифту и увидел собственное отражение в зеркале: тёмное пальто, безупречно сидящий костюм, спокойное лицо человека, привыкшего входить туда, где его ждут. Марина ждала не всегда. И именно это ему нравилось.

* * *

Марина увидела цветы за пять минут до примерки.

– Опять? – спросила она.

Вера поставила букет на стол.

– Если тебе надоели, я могу забрать домой.

– Даже не думай.

– Вот видишь.

Марина провела ладонью по мягкому лепестку.

– Он приехал?

– Уже наверху.

– Один?

Вера посмотрела на неё с выражением человека, которому подарили бесплатное развлечение.

– А должен был с кем-то?

– Я просто спросила.

– Конечно.

Марина бросила на неё взгляд.

– Вера.

– Молчу.

На самом деле Марина не знала, что именно чувствует к Эдварду. Он нравился ей. Больше, чем она обычно позволяла мужчинам нравиться. Он умел быть внимательным без навязчивости, щедрым без показной роскоши и уверенным без той мужской привычки, которую Марина особенно ненавидела: считать её согласие вопросом времени. Эдвард не давил.

Он ждал. И иногда это было даже опаснее. Несколько месяцев он приглашал её на ужины, выставки, закрытые премьеры. Мог исчезнуть на неделю, а потом прислать короткое: «Сегодня в девять. Ты в чёрном. Я в плохом настроении. Спаси вечер».

Марина почти всегда отвечала. Почти. Она всё ещё не называла их отношениями. Эдвард – тоже. Но оба понимали, что давно вышли за пределы обычного флирта.

– У тебя лицо, как у женщины, которая пытается убедить себя, что ей всё равно, – заметила Вера.

– У тебя слишком много свободного времени.

– У меня профессия такая.

На лице Марины появилась улыбка.

– Где Анфиса?

– В мастерской.

Вера замолчала на секунду.

– А что?

– Ничего.

– Ты второй день подряд спрашиваешь о новой модистке.

– Потому что она работает с моими вещами.

– Конечно.

Марина развернулась к зеркалу.

– Если ты скажешь «конечно» ещё раз, я начну искать другого стилиста.

– Конечно.

Марина рассмеялась.

* * *

Анфиса в это время спорила с фетром. Фетр побеждал.

– Нет, – сказала она, удерживая заготовку обеими руками.

– Мы так не договаривались.

Материал медленно возвращался в прежнюю форму.

– Предатель.

– Вы всегда разговариваете с вещами?

Анфиса подняла голову. У двери стоял незнакомый мужчина. Высокий. Тёмные волосы. Спокойная улыбка. Дорогой костюм без единой лишней детали.

Он не выглядел человеком, случайно заглянувшим в мастерскую. Скорее человеком, который мог купить мастерскую, здание и улицу, если ему станет скучно.

– Только с теми, кто не умеет возражать, – ответила Ан-

фиса.

– Удобно.

– Очень.

Он подошёл ближе.

– И кто выигрывает?

– Пока фетр.

– Значит, у него сильный характер.

– Или у меня плохое утро.

Мужчина улыбнулся. Анфиса снова занялась заготовкой.

– Вы что-то хотели?

– Вообще-то Марину.

Она подняла взгляд. Вот оно. Марина. Анфиса невольно вспомнила вчерашний разговор о пионах.

– Тогда вы ошиблись этажом.

– Вряд ли.

– Она в примерочной.

– Я знаю.

– Тогда зачем пришли сюда?

Он задержал взгляд на её лице чуть дольше, чем требовал обычный разговор.

– Уже не помню.

Анфиса всё поняла. Такие взгляды она знала. И обычно умела с ними обращаться.

– Плохой признак, – сказала она.

– Что именно?

– Когда мужчина забывает, зачем пришёл.

– Почему?

– Часто потом приходится дорого платить.

Он рассмеялся.

– Эдвард.

– Анфиса.

Он протянул руку. Она не сразу ответила, потому что пальцы были в мелу.

– Я испачкаю.

– Рискну.

Анфиса пожала его руку. Ладонь у него была тёплая, хватка мягкая, уверенная. И ничего. Никакого странного ощущения. Никаких вспышек.

Никакой чужой памяти. Только мужчина, которому она понравилась. Это даже успокаивало.

– Ты здесь недавно? – спросил он.

Анфиса подняла бровь.

– Мы уже на «ты»?

– Я тороплю события.

– Заметно.

– Возражаешь?

– Пока наблюдаю.

– И как впечатление?

Анфиса посмотрела на его часы, потом на костюм, потом снова в глаза.

– Очень дорогое.

Эдвард засмеялся.

– А человек?

– Ещё не поняла.

В этот момент в мастерскую вошла Марина. Она увидела их сразу. Эдвард стоял рядом с Анфисой. Слишком близко, чтобы это было необходимо. Анфиса держала в руках фетровую заготовку и улыбалась.

Марина почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось. Не больно. Просто неожиданно.

– Я вижу, вы уже познакомились, – сказала она.

Эдвард обернулся.

– Доброе утро.

Он подошёл к ней и легко поцеловал в щёку.

– Цветы получила?

– Да.

– Не понравились?

– Почему?

– Ты говоришь «да» так, будто получила налоговое уведомление.

Марина едва заметно улыбнулась.

– Очень красивые.

– Тогда я прощён.

– За что?

– Пока ни за что.

Анфиса отвела взгляд. Но Марина успела заметить маленькую улыбку у неё на губах.

– Анфиса, – сказала она, – Вера просила тебя зайти к ней.

– Сейчас?

– Сейчас.

Анфиса посмотрела на Марину. В голосе было слишком много спокойствия. Она поняла. И почти развеселилась.

– Конечно.

Проходя мимо Эдварда, она сказала:

– Не забывайте, зачем пришли.

– Уже вспомнил.

Он смотрел ей вслед. Марина это увидела. И Эдвард понял, что она увидела.

– Что? – спросил он.

– Ничего.

– Марина.

– Эдвард.

– Ты ревнуешь?

Она рассмеялась слишком быстро.

– Тебя?

– Меня.

– К модистке, которую ты знаешь три минуты?

– Четыре.

Марина посмотрела на него.

– Очень смешно.

Эдвард подошёл ближе.

– Значит, ревнуешь.

– Значит, ты слишком много о себе думаешь.

– Это давно известно.

Он легко коснулся её талии. Марина не отстранилась. Но взгляд её всё ещё был направлен на дверь, за которой исчезла Анфиса.

* * *

За обедом Эдвард был внимателен. Как всегда. Он выбрал ресторан, где Марину знали и не приставали с фотографиями. Заказал её любимую воду раньше, чем она успела попросить. Не говорил о работе первые двадцать минут, потому что знал: если она раздражена, обсуждать «Элизиум» бесполезно.

Но Марина всё равно была рассеянна.

– Что происходит? – спросил он наконец.

– Ничего.

– Второй раз за день.

– Что?

– Ты говоришь «ничего» именно тогда, когда что-то есть.

Марина отложила вилку.

– Тебе понравилась Анфиса?

Эдвард не ответил сразу. Это было ошибкой. Марина заметила паузу.

– Понятно.

– Я её увидел впервые.

– Это не ответ.

– Красивая девушка.

– Очень содержательно.

– А что ты хочешь услышать?

Марина сама не знала. Если бы он сказал «нет», она бы не поверила. Если бы сказал «да» – разозлилась.

– Ничего.

Эдвард улыбнулся.

– Третий раз.

– Не считай.

– Я инвестор. Я всё считаю.

Марина посмотрела в окно.

– Ты слишком долго на неё смотрел.

– Значит, всё-таки ревнуешь.

– Я наблюдательная.

– Конечно.

– Эдвард.

– Хорошо.

Он перестал улыбаться.

– Мне нравится, когда ты ревнуешь.

– Тогда наслаждайся. В следующий раз может не случиться.

– Почему?

Марина посмотрела ему прямо в глаза.

– Потому что если мужчина даёт мне слишком много причин, я обычно перестаю ревновать. Просто ухожу.

Эдвард понял, что это уже не игра. Он накрыл её ладонь своей.

– Я не собираюсь давать тебе причины.

– Тогда не давай.

– Договорились.

Марина не убрала руку. Несколько секунд они молчали. Эдвард смотрел на неё и думал, что именно эта её особенность когда-то зацепила сильнее красоты. Марина не удерживала. Она могла уйти.

И он это чувствовал.

– Поедем со мной в субботу? – спросил он.

– Куда?

– Не скажу.

– Тогда нет.

– В Тарусу.

– Уже лучше.

– На один день.

– Зачем?

– Посмотреть дом.

Марина прищурилась.

– Ты покупаешь дом?

– Возможно.

– И тебе нужен мой совет?

– Мне нужна ты рядом.

Он сказал это просто. Без улыбки. Марина почувствовала, как напряжение внутри стало мягче.

– Подумаю.

– Это твоё любимое слово.

– Не жалуйся. Иногда после него я говорю «да».

* * *

Анфиса узнала имя Эдварда от Веры.

– Ланской, – сказала та, закалывая на манекене ткань. –

Главный человек с деньгами.

– Главный?

– Один из. Но самый красивый.

– Странная должность.

– Зато редкая.

На губах Анфисы появилась улыбка.

– Он с Мариной?

Вера посмотрела на неё.

– А тебе зачем?

– Любопытно.

– Не советую.

– Что именно?

– Любопытствовать насчёт мужчин Марины.

Анфиса рассмеялась.

– Она их коллекционирует?

– Нет. В этом и проблема. Она редко кого подпускает.

– А его подпустила?

– Почти.

– «Почти» – опасное состояние.

– Для кого?

Анфиса подумала.

– Для всех.

Вера посмотрела на неё внимательнее.

– Ты с Антоном вчера была?

– Пила кофе.

– И?

– И кофе оказался хорошим.

– Только кофе?

Анфиса рассмеялась.

– В этом доме женщины вообще работают или только выясняют, кто с кем спит?

– Одно другому не мешает.

Анфиса покачала головой. Но внутри что-то дрогнуло при имени Антона. Совсем иначе, чем при взгляде Эдварда. С Эдвардом было понятно. Опасный мужчина. Харизма. Азарт.

С Антоном – непонятно. Тепло. Спокойствие. Чувство узнавания, которое пугало сильнее желания. Она снова вспомнила серебряный браслет.

И сразу запретила себе продолжать мысль.

* * *

К вечеру Эдвард снова появился в «Элизиуме». Марина была на прогоне. Он стоял в полутёмном зале, наблюдая за моделями, которые одна за другой выходили на ещё не законченную сцену. Антон находился у края подиума и спорил со светотехником.

– Ещё десять сантиметров вправо.

– Тогда будет тень.

– Тень уже есть.

– Не там.

Эдвард подошёл.

– Если вы двое закончите войну, мы успеем открыть сезон?

Антон обернулся.

– Если никто снова не попросит передвинуть стену.

Эдвард улыбнулся. Они знали друг друга давно. Не были друзьями, но относились друг к другу с уважением.

– Марина сегодня злая, – сказал Антон.

– Я заметил.

– Ты опять что-то сделал?

– Почему сразу я?

Антон посмотрел на него.

– Потому что у неё есть две причины злиться: работа и мужчина.

– Очень лестная система.

– Она работает.

На подиум вышла Марина. Красное платье сидело на ней безупречно. Она остановилась в конце сцены, повернулась, задержала взгляд на Эдварде и пошла обратно. Он смотрел только на неё. Почти.

Потому что у кулис появилась Анфиса. Она держала в руках коробку с аксессуарами и что-то быстро объясняла одной из моделей. Светлые волосы были собраны наверх, несколько прядей выбились у лица. Анфиса подняла голову. И встретилась взглядом с Эдвардом.

Не отвела. Наоборот. Чуть приподняла бровь, будто спра-

шивая: «Опять забыли, зачем пришли?» Уголок его губ дрогнул. Марина, возвращаясь за кулисы, увидела это.

На этот раз слишком ясно. Она прошла мимо Анфисы.

– Второй комплект готов?

– Да.

– Перчатки?

– На месте.

– Шляпа?

– Там же.

Марина остановилась.

– И Эдвард тоже на месте.

Анфиса посмотрела на неё.

– Я заметила.

– Хорошо.

– Марина.

– Что?

Анфиса выдержала паузу.

– Я не собираюсь у тебя ничего отнимать.

Марина почувствовала, как внутри вспыхнуло раздражение.

– А я не говорила, что у меня есть что отнимать.

– Тогда тем более всё просто.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Обе слишком красивые. Обе слишком упрямые. И обе уже понимали, что разговор идёт вовсе не о работе. Марина первой отвернулась.

– Шляпу принеси сама.

– Хорошо.

Анфиса смотрела ей вслед. И впервые ощутила не только любопытство. Азарт. Совсем маленький. Но опасный.

* * *

После прогона Антон нашёл сестру у зеркала. Марина снимала серьги резче, чем нужно.

– Поссорилась с кем-то?

– Нет.

– Ясно.

– Что ясно?

– Значит, да.

Марина бросила серьги в коробочку.

– Почему мужчины иногда ведут себя как идиоты?

– Нужны фамилии или общий ответ?

Она не выдержала и улыбнулась.

– Эдвард.

Антон прислонился к столу.

– Что сделал?

– Ничего.

– Это у вас сегодня популярное слово.

– Он смотрит на Анфису.

Антон чуть изменился в лице. Марина заметила.

– А тебе не нравится?

– Что именно?

– Что он на неё смотрит.

Антон пожал плечами.

– Она свободная женщина.

– А он ухаживает за мной.

– Тогда вопрос к нему.

– Очень мужской ответ.

– Зато честный.

Марина посмотрела на брата.

– А если Анфиса ответит?

Антон молчал чуть дольше обычного.

– Не знаю.

Марина улыбнулась уголком губ.

– Вот теперь интересно.

– Не начинай.

– Ты ревнуешь.

– Марина.

– Значит, ревнуешь.

– Я пил с ней кофе один раз.

– И уже выглядишь так, будто собираешься объяснить Эдварду устройство человеческого лица.

Антон рассмеялся.

– У тебя богатая фантазия.

– У меня глаза есть.

Он посмотрел в сторону подиума. Анфиса стояла у кулис и разговаривала с Тамарой Сергеевной. В этот момент Эдвард проходил мимо. Он что-то сказал ей. Анфиса ответила.

Оба улыбнулись. Антон почувствовал неприятный укол.

Очень лёгкий. Но настоящий. Марина увидела его лицо.

– Вот.

– Что?

– Ничего.

Теперь она произнесла это слово с удовольствием.

* * *

Эдвард задержался у выхода. Анфиса надевала пальто.

– Уже домой?

Она обернулась.

– Вроде бы рабочий день закончился.

– Иногда здесь это условность.

– Я пока не настолько люблю моду.

– А что любишь?

Анфиса посмотрела на него.

– Это уже слишком личный вопрос для человека, который пришёл за Мариной.

Он усмехнулся.

– Ты всегда напоминаешь мужчинам об их обязательствах?

– Только красивым.

– Значит, это комплимент?

– Не привыкайте.

– Опять на «вы».

– Так безопаснее.

– Для кого?

Анфиса застегнула пальто.

– Посмотрим.

Эдвард придержал для неё дверь. Она вышла на улицу. Дождь закончился. Асфальт блестел под фонарями.

– Тебя подвезти? – спросил он.

Анфиса остановилась. На секунду ей захотелось согласиться. Не потому, что он ей нравился сильнее Антона. Со всем наоборот. Просто рядом с Эдвардом не было странной тревоги, чужих воспоминаний и вопросов, на которые она боялась получить ответ.

Здесь всё было просто. Мужчина флиртует. Женщина может ответить. И ничего больше.

– Нет, – сказала она.

– Почему?

– Потому что вы ухаживаете за Мариной.

– Это запрет?

– Это информация.

– А если я всё равно предложу?

Анфиса не удержалась от улыбки.

– Тогда я всё равно откажусь.

Она сделала шаг к тротуару.

– Анфиса.

Она обернулась.

– Что?

– Ты всегда такая правильная?

Её улыбка стала чуть дерзкой.

– Нет.

– Это радует.

– Не спешите.

Она ушла. Эдвард смотрел ей вслед дольше, чем следовало. И сам это понимал.

* * *

Марина видела их из окна второго этажа. Не слышала слов. Только видела Эдварда и Анфису у входа. Видела, как он придержал дверь. Как Анфиса остановилась.

Как улыбнулась. Потом ушла одна. Это должно было успокоить. Не успокоило. Марина стояла у окна и смотрела, как фигура Анфисы исчезает за поворотом.

За спиной появилась Вера.

– Он что, провожает её?

– Нет.

– Откуда знаешь?

– Она ушла одна.

Вера подошла ближе.

– Марин.

– Что?

– Ты ревнуешь.

Марина медленно повернулась.

– Если сегодня ещё один человек скажет мне это слово, я кого-нибудь ударю.

– Тогда я промолчу.

– Хорошая мысль.

Но через секунду Марина сама сказала:

– Она специально это делает.

– Что?

– Смотрит ему в глаза.

– Люди иногда так разговаривают.

– Не Анфиса.

– Ты знаешь её два дня.

– Мне хватает.

Вера улыбнулась.

– А мне кажется, тебе она нравится.

Марина резко посмотрела на неё.

– Что?

– Как человек.

– Она меня раздражает.

– Одно другому не мешает.

Марина снова повернулась к окну. Внизу Эдвард сел в машину. Телефон Марины завибрировал. Сообщение от него. «Ужин завтра?»

Она посмотрела на экран. Набрала: «Подумаю». Стерла. Написала: «Да». Отправила.

Почти сразу пришёл ответ: «Вот теперь я начинаю верить в чудеса». Она улыбнулась. Но улыбка быстро исчезла. Она вдруг поняла, что впервые за всё время ухаживаний Эдварда ей захотелось не просто принять его внимание. А удержать.

И причиной этого желания была другая женщина. Анфиса.

* * *

Дома Анфиса открыла шкатулку. Серебряный браслет лежал на прежнем месте. Она взяла его в руки. На этот раз ничего не произошло.

— Хорошо, — прошептала она. — Давай сегодня без семейных кошмаров.

Она положила браслет на стол и сняла серьги. Телефон загорелся. Сообщение от Антона. «Как прошёл день?» Она чуть улыбнулась.

Набрала: «Пережила. Пуговицы тоже». Ответ пришёл почти сразу. «Кофе завтра?» Она посмотрела на экран.

Тёплое спокойствие вернулось. «Да». Отправила. Потом вспомнила взгляд Эдварда у мастерской. И собственную улыбку в ответ.

Анфиса закусила губу. С Антоном хотелось быть осторожной, потому что рядом с ним всё почему-то становилось важным. С Эдвардом хотелось быть неосторожной именно потому, что важным не казалось ничего. Она ещё не знала, что это самая опасная ошибка. На столе серебряный браслет тихо блеснул в свете лампы.

Глава 4. Чужое воспоминание

Утро после встречи с Эдвардом Ланским началось для Анфисы с мысли, которую она особенно не любила: ей было любопытно. Не то чтобы Эдвард занимал её всерьёз. Она слишком хорошо знала мужчин, привыкших входить в комнату так, будто всё в ней уже принадлежит им. Улыбка, дорогой костюм, неторопливый взгляд – набор был почти безупречным. И всё же в нём было что-то опасное именно потому, что он не казался пустым.

Он видел людей. А ещё хуже – замечал, когда замечают его. Анфиса поймала себя на том, что вспоминает его взгляд, и сердито захлопнула шкафчик.

– Вот ещё.

– Что «вот ещё»?

Она обернулась. У двери мастерской стояла Марина с чехлом для платья через руку.

– Ничего.

– Ты разговариваешь со шкафом?

– Он первый начал.

Марина хмыкнула и положила чехол на стол.

– Тамара Сергеевна сказала, ты сегодня занимаешься архивом.

– Звучит так, будто меня сослали.

– После вчерашнего знакомства с Эдвардом я бы тоже те-

бя куда-нибудь сослала.

Анфиса посмотрела на неё.

– Ревнуешь?

– Не льсти себе.

– Значит, нет.

– Значит, я просто предупреждаю.

– О чём?

Марина выдержала короткую паузу.

– Эдвард любит внимание.

– Большинство мужчин любит.

– Он особенно.

– А ты?

– Что я?

– Любишь его внимание?

Марина медленно сняла солнцезащитные очки и посмотрела прямо на Анфису.

– Иногда ты задаёшь слишком много вопросов.

– А иногда люди слишком долго думают над ответом.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга. Потом Марина неожиданно улыбнулась.

– Невыносимая.

– Уже почти семейная характеристика.

Слова вырвались сами. Анфиса тут же почувствовала, как внутри всё оборвалось. Марина не заметила ничего особенного.

– Не мечтай. До семьи тебе ещё далеко.

Она взяла со стола другой чехол и вышла. Анфиса осталась одна. «Почти семейная». Глупая оговорка. Но после вчерашней надписи в шкатулке и после странного воспоминания у витрины любое случайное слово теперь звучало как подсказка.

Анфиса заставила себя вернуться к работе. На этот раз Тамара Сергеевна действительно отправила её в архив. Не к серебряной булавке. К платьям.

* * *

Архив «Элизиума» находился на пятом этаже, за двумя неприметными дверями и длинным коридором без окон. Анфиса ожидала увидеть музейную стерильность – белые перчатки, холодный свет, сотрудников с лицами людей, которые способны убить за неправильно сложенный шёлк. Вместо этого здесь было почти уютно. Высокие шкафы, мягкий свет, аккуратные чехлы, коробки с этикетками, старые фотографии на стенах.

Воздух пах тканью, сухими травами и временем. Анфиса остановилась. Это было странное ощущение. Будто она вошла не в помещение, а в чью-то память.

– Не стойте на проходе.

Из-за стеллажа появилась женщина лет шестидесяти в тёмно-синем платье и тонких очках.

– Анфиса Орлова?

– Да.

– Лидия Павловна.

– Очень приятно.

– Посмотрим.

Анфиса чуть улыбнулась. Лидия Павловна протянула ей пару хлопковых перчаток.

– Сегодня будете помогать с разбором архивной коллекции девяностых. Несколько вещей возвращаются в работу как референсы для нового показа.

– Их можно трогать?

Женщина посмотрела поверх очков.

– В перчатках – можно.

– А без?

– Если захотите прожить здесь меньше пяти минут.

Анфиса послушно надела перчатки.

– Я быстро учусь.

– Вчера это уже обсуждали.

Анфиса остановилась на полудвижении.

– Вы знаете?

– В архиве знают всё, что касается архива.

– Даже про булавку?

– Особенно про булавку.

Лидия Павловна повернулась и пошла вдоль стеллажей.

– Не переживайте. Вы не первая, кто нарушил правило.

– Но, вероятно, первая в первый рабочий день.

– Это пока ваш личный рекорд.

Анфиса пошла за ней. В дальнем конце зала на большом столе лежало старое платье. Тёмно-синее. То самое, обрезок

которого она вчера видела в мастерской. Анфиса почувствовала знакомый холод в ладонях.

– Оно откуда?

– Из частного собрания основательницы дома.

– Основательницы?

– Софьи Елисеевны Волковой.

Анфиса остановилась.

– Волковой?

Лидия Павловна посмотрела на неё.

– Да. А что?

– Ничего.

Слишком быстро. Снова. Лидия Павловна ничего не сказала, но взгляд задержала. Анфиса подошла к столу. Платье было длинным, закрытым, с мягкой линией плеч. Вышивка по краю почти стёрлась, но ткань сохранила глубину цвета.

– Это свадебное?

– Нет. Вечернее.

– Чьё?

– Точно неизвестно. В карточке указано только: «семейный архив. Е. В.».

Анфиса не двинулась. Е. В. Те же инициалы, что на карточке под серебряной булавкой.

– Можно посмотреть запись?

– Позже.

Лидия Павловна раскрыла папку.

– Сначала состояние ткани. Здесь есть разрыв подклад-

ки, два старых ремонта и следы влаги. Ваша задача – определить, что можно восстановить без вмешательства в оригинальную конструкцию.

Анфиса молча согласилась. Работа была понятной. Почти спасительной. Она наклонилась над платьем. Сначала всё шло нормально.

Ткань. Шов. Подкладка. Нитки. Профессиональные мелочи, которые возвращали мир в устойчивое состояние.

Она отмечала повреждения карандашом в карточке, проверяла края, сравнивала оттенки. Потом перчатка зацепилась за старую застёжку. Анфиса сняла её, чтобы поправить ткань.

– Перчатки, – напомнила Лидия Павловна из-за стеллажа.
– Сейчас.

Анфиса уже собиралась надеть её обратно. Но кончики пальцев коснулись подкладки. И мир исчез.

* * *

Темнота. Сначала только темнота. Потом дыхание. Чьё-то тяжёлое, испуганное дыхание. Анфиса не видела себя.

Она видела чужими глазами. Дождь бил по стеклу. Женщина стояла в комнате и лихорадочно складывала вещи в небольшую дорожную сумку. Руки дрожали. На кровати плакал младенец.

– Тише, милая. Тише.

Голос. Тот же. Анфиса узнала его сразу. Женщина из первого воспоминания. Тёмные волосы были собраны кое-как,

на щеке – тонкая царапина.

На запястье блестел серебряный браслет. Анфиса будто приблизилась к нему. Узор. Переплетённые нити. Её узор.

Женщина взяла ребёнка на руки.

– Я не отдам тебя.

Снизу хлопнула дверь. Мужской голос. Неразборчивый. Но злой. Женщина вздрогнула.

Подошла к окну. На улице стоял тёмный автомобиль. В комнате появилась другая женщина – старше, светловолосая.

– Лиза, времени нет.

Лиза. Анфиса услышала имя отчётливо.

– А Антон? Марина?

– Они в безопасности.

– Я не могу уйти без них.

– Если останешься, потеряешь всех троих.

Женщина с младенцем закрыла глаза.

– Он найдёт нас.

– Не найдёт.

– Ты его не знаешь.

– Тогда дай мне ребёнка.

Лиза прижала младенца сильнее.

– Нет.

– Ты не успеешь.

Снизу снова раздался шум. Шаги. Лиза посмотрела на дверь. Потом на ребёнка. И её лицо изменилось.

Так выглядит человек, который принимает решение, от которого сломается вся его жизнь.

– Куда ты её увезёшь?

– Туда, где никто не станет искать.

– Имя не меняй.

– Лиза...

– Имя не меняй. Анфиса. Она должна знать хотя бы своё имя.

У Анфисы перехватило дыхание. Нет. Нет. Светловолосая женщина протянула руки. Лиза поцеловала младенца в лоб.

– Я приду за тобой.

Дверь внизу ударилась о стену. Мужской голос стал ближе.

– Быстро!

Лиза передала ребёнка. Анфиса увидела, как серебряный браслет скользнул по крошечной детской ладони. И вдруг младенец схватил его пальцами. Лиза почти улыбнулась сквозь слёзы.

– Видишь? Уже держится.

Светловолосая женщина укрыла ребёнка. Лиза сняла браслет. На секунду прижала к губам. Потом вложила его под край одеяла.

– Пусть останется у неё.

– А если по нему найдут?

– Тогда спрячь.

Шаги. Совсем близко.

– Иди!

Светловолосая женщина исчезла в узкой двери. Лиза осталась одна. Потом обернулась. И Анфиса снова испытала невозможное ощущение. Женщина смотрела прямо на неё.

Не сквозь. На неё.

– Прости меня.

* * *

Анфиса отшатнулась. Стол ударил её по бедру. Она с трудом удержалась на ногах.

– Анфиса!

Лидия Павловна оказалась рядом.

– Что случилось?

Анфиса смотрела на платье. Ткань снова была просто тканью. Тёмно-синей. Старой. Безопасной.

– Ничего.

– Вы белая как стена.

– Душно.

– Здесь восемнадцать градусов.

Анфиса опустила веки.

– Тогда не душно.

Лидия Павловна взяла её за локоть.

– Сядьте.

– Я в порядке.

– Это не просьба.

Анфиса села на стул. Руки дрожали. Она спрятала их под стол.

– Вода?

– Да.

Лидия Павловна ушла. Анфиса снова посмотрела на платье. Лиза. Антон. Марина.

Анфиса. Теперь это уже не было случайным набором имён. Она слышала собственное имя. Её мать – если это действительно была её мать – назвала его. «Имя не меняй».

Анфиса провела ладонью по лицу. Нет доказательств. Воспоминания – не доказательства. Они вообще не должны существовать. Но браслет существовал.

И фамилия Волкова существовала. И Марина. И Антон. А теперь ещё Лиза. Елизавета?

Е. В. Анфиса резко поднялась. Лидия Павловна вернулась со стаканом воды.

– Куда?

– Мне нужна карточка платья.

– Зачем?

– Вы сказали, можно посмотреть позже.

– Позже наступило неожиданно быстро.

– Пожалуйста.

Женщина внимательно посмотрела на неё. Потом достала из папки пожелтевшую карточку.

– Только здесь.

Анфиса взяла её. Запись была короткой. «Платье вечернее. 1998. Частный архив. Е. В. Передано на хранение С. Е. Волковой».

Ни имени. Ни пояснений. Но внизу карандашом стояла почти стёртая пометка: «Лиза. После пожара». Анфиса перестала дышать.

– Кто это написал?

Лидия Павловна наклонилась.

– Не знаю.

– А что за пожар?

– Какой пожар?

Анфиса показала строку. Лидия Павловна нахмурилась.

– Странно.

– Вы раньше не видели?

– Карточкам почти тридцать лет. Я не помню каждую пометку.

– Кто такая Лиза?

– Не знаю.

Анфиса посмотрела на женщину.

– А Е. В.?

– Я же сказала: семейный архив.

– Елизавета Волкова?

Лидия Павловна замолчала. Это молчание было хуже ответа.

– Вы знаете это имя.

– Знаю.

– Кто она?

– Анфиса, я не думаю, что...

– Пожалуйста.

Лидия Павловна сняла очки.

– Елизавета была дочерью Софьи Елисеевны.

Анфиса стиснула край карточки.

– Основательницы «Элизиума»?

– Да.

– Что с ней случилось?

– Это семейная история.

– Она умерла?

Лидия Павловна посмотрела в сторону.

– Насколько я знаю, погибла.

– Когда?

– Давно.

– В пожаре?

– Я не знаю.

Слишком много «не знаю». Анфиса вернула карточку.

– А дети у неё были?

Лидия Павловна резко подняла взгляд.

– Почему вы спрашиваете?

Вот теперь надо было остановиться. Анфиса это понимала. Но остановиться уже не могла.

– Просто имя знакомое.

– Откуда?

– Не помню.

Лидия Павловна долго смотрела на неё.

– Двое.

Анфиса почувствовала холод.

– Кто?

– Сын и дочь.

– Имена?

– Антон и Марина.

В архиве стало слишком тихо. Анфиса услышала собственное дыхание.

– А третьего ребёнка?

– Насколько мне известно, нет.

– Вы уверены?

– Нет.

Анфиса посмотрела на тёмно-синее платье. В памяти всё ещё звучало: «Если останешься, потеряешь всех троих». Троих. Не двоих. Она сняла перчатки.

– Мне нужно выйти.

– Анфиса...

– Пять минут.

Лидия Павловна не стала останавливать.

* * *

В туалетной комнате Анфиса заперлась в кабинке и достала телефон. Пальцы плохо слушались. Она открыла фотографию серебряного браслета. Потом поисковик. «Елизавета Волкова Элизиум».

Ничего. Несколько старых упоминаний модного дома. Фотографии коллекций. Интервью. «Софья Волкова – основательница московского Дома моды “Элизиум”».

Анфиса открыла изображение. Пожилая красивая жен-

щина. Строгий взгляд. Серебряные серьги. Она всмотрелась в лицо.

Никакого узнавания. Следующий запрос. «Елизавета Волкова дочь Софьи Волковой». Несколько строк в архивной публикации. «...дочь основательницы дома Елизавета Волкова, долгое время не участвовавшая в публичной жизни семьи...»

Анфиса прокрутила. Фото. Старое. Небольшое. Молодая тёмноволосая женщина на каком-то приёме.

Анфиса увеличила. Телефон чуть не выпал из рук. Она знала это лицо. Женщина у окна. Женщина с младенцем.

Женщина, которая сказала: «Прости меня». Анфиса прижала ладонь ко рту. Теперь это уже не могло быть игрой воображения. Она никогда раньше не видела фотографию Елизаветы Волковой. Или не помнила, что видела.

Но даже если мозг каким-то образом собрал лицо из случайных деталей, оставался браслет. И имя. И трое детей. Анфиса набрала ещё один запрос. «Елизавета Волкова пожар».

Страница загрузилась. Старая газетная заметка. Заголовок: «Пожар в загородном доме семьи Волковых». Дата. Анфиса быстро посчитала.

Почти двадцать четыре года назад. Это уже гораздо точнее совпадало с возрастом Анфисы. В тексте было мало деталей. Пожар. Часть здания уничтожена.

Елизавета Волкова считалась пропавшей. Позднее – погибшей. Анфиса перечитала последнюю строку дважды.

Считалась погибшей. Не «найдена погибшей».

Не «тело обнаружено». Считалась. Она вышла из кабинки и подошла к зеркалу. В отражении стояла бледная светловолосая девушка. Совсем не похожая на Елизавету Волкову.

И всё же что-то было. Не лицо. Взгляд? Линия губ? Или ей уже хотелось видеть сходство?

Анфиса открыла фотографию Марины. Потом свою. Поставила рядом.

– Хватит.

Она заблокировала телефон. Но через секунду снова включила. Нашла фотографию Антона. На странице архитектурного бюро. Смотрела долго.

Потом прошептала:

– Это невозможно.

Дверь открылась. Анфиса вздрогнула. Вошла Марина.

– Ты здесь?

– Как видишь.

Марина остановилась у зеркала.

– Тамара Сергеевна тебя ищет.

– Сейчас приду.

Марина достала помаду. Анфиса смотрела на её отражение. Марина поймала взгляд.

– Опять?

– Что?

– Ты опять смотришь на меня так, будто пытаешься вспомнить.

Анфиса сглотнула.

– Может быть.

– И получается?

– Пока нет.

Марина провела помадой по губам.

– Эдвард сегодня приглашает меня на ужин.

Анфиса не сразу переключилась.

– Поздравляю.

– Это не свадьба.

– Тогда рано покупать сервиз.

Марина смягчилась и улыбнулась.

– Он спрашивал о тебе.

Анфиса подняла глаза.

– Зачем?

– Хотел узнать, давно ли ты работаешь в «Элизиуме».

– И что ты сказала?

– Что слишком недавно, чтобы уже интересоваться владель-
цев.

– Инвесторов.

– Какая разница?

– В твоём голосе – большая.

Марина закрыла помаду.

– Тебе нравится провоцировать?

– Только людей, которые красиво сердятся.

– Тогда с Эдвардом тебе будет скучно. Он почти не сер-
дится.

– А Антон?

Вопрос вырвался прежде, чем Анфиса успела его остановить. Марина посмотрела внимательнее.

– А что Антон?

– Он сердится?

– Редко.

– Понятно.

Марина чуть улыбнулась.

– Он тебе понравился.

Анфиса отвела взгляд.

– Мы пили кофе.

– Это не ответ.

– А ты сегодня особенно любопытная.

– Это заразно.

Они снова посмотрели друг на друга через зеркало. И неожиданно одновременно поправили волосы у виска. Обе замерли. Марина медленно опустила руку.

– Опять.

Анфиса почувствовала, как по спине прошёл холод. Марина улыбнулась, но уже неуверенно.

– Это начинает пугать.

– Меня тоже.

Впервые Анфиса сказала правду.

* * *

После работы она не поехала домой сразу. Села в маленьком кафе напротив «Элизиума», заказала чай и открыла в

телефоне заметки. Ей нужно было увидеть всё не как набор эмоций, а как факты. Она написала: «Серебряная булавка – архив Е. В.»

Следующая строка: «Елизавета Волкова – дочь Софьи Волковой». «Антон и Марина – её дети». «Пожар двадцать лет назад». «Елизавета считается погибшей». «Воспоминание: трое детей».

«Воспоминание: младенца зовут Анфиса». «Браслет передан младенцу». Анфиса остановилась. Потом добавила: «У меня этот браслет». Она отложила телефон.

На улице зажглись фонари. Люди спешили домой. Машины медленно двигались по мокрому проспекту. Мир выглядел совершенно обычным. От этого было особенно страшно.

Телефон завибрировал. Сообщение от Антона. «Как пережила архив?» Анфиса долго смотрела на экран. Потом набрала: «Не уверена, что архив пережил меня».

Ответ пришёл почти сразу. «Это звучит как повод для кофе». Она улыбнулась. Совсем чуть-чуть. И тут же почувствовала боль.

Потому что теперь рядом с симпатией к Антону поселился страх. Неясный. Неразумный. Но слишком сильный, чтобы его игнорировать. Анфиса написала: «Сегодня не смогу».

Он ответил: «Хорошо. Тогда завтра». Без обиды. Без вопросов. И это снова согрело её.

Анфиса закрыла переписку. Вернулась к заметкам. Внизу экрана мигал курсор. Она долго не решалась. Потом написа-

ла последнее: «Если это не совпадение – кто я?»

* * *

Дома Анфиса достала деревянную шкатулку. Браслет лежал внутри. Она больше не боялась к нему прикасаться. Почти. Анфиса взяла его.

Ничего. Никаких голосов. Никаких комнат. Никаких чужих глаз. Только прохладное серебро.

Она перевернула браслет и впервые стала рассматривать внутреннюю сторону звеньев под яркой лампой. На одном из них была крошечная царапина. Нет. Не царапина. Буквы.

Настолько маленькие, что без света их невозможно было заметить. Анфиса поднесла браслет ближе. Три буквы. «А. В.»

Она почувствовала, как сердце ускорилося. Анфиса Волкова? Нет. Это могло означать что угодно. Имя мастера.

Чьи-то инициалы. Случайность. Она перевернула соседнее звено. Там была дата. Дата её рождения.

Анфиса медленно села на край кровати. Теперь в комнате не было ни звука. Она держала браслет на ладони и впервые не пыталась убедить себя, что всё можно объяснить. Вместо этого вспомнила женщину из чужого воспоминания. Лизу.

Елизавету Волкову. Ту, что прижимала к себе младенца и шептала: «Я приду за тобой». Она коротко зажмурилась. И тихо сказала в пустоту:

– Почему не пришла?

Глава 5. Первое свидание

Анфиса проснулась раньше будильника и несколько секунд лежала, глядя в потолок, не понимая, почему сердце уже бьётся так, будто она куда-то опаздывает. Потом вспомнила. Антон. Кофе после работы. Никаких серьёзных обещаний, никаких красивых слов, никаких причин волноваться. Просто встреча двух людей, которые вчера уже сидели друг напротив друга в маленькой кофейне и умудрились проговорить почти два часа.

– Совершенно не свидание, – сказала Анфиса вслух.

Комната, разумеется, не возразила. Она перевернулась на бок, увидела на тумбочке серебряный браслет и сразу перестала улыбаться. За последние сутки её жизнь будто разделилась на две части. В одной были ткани, показы, новая работа, Марина, Антон и неожиданно заинтересовавшийся ею Эдвард Ланской. В другой – чужие воспоминания, имя Елизаветы Волковой, пожар двадцатилетней давности и младенец, которому мать отдала серебряный браслет.

Младенец по имени Анфиса. Анфиса протянула руку к браслету, но не коснулась. Сегодня она решила ничего не искать. Хотя бы один день. Никаких архивов. Никаких газетных заметок. Никаких сравнений фотографий. Никаких вопросов о семье Волковых.

Только работа. И кофе.

– Особенно кофе, – добавила она и поднялась с кровати.

* * *

В «Элизиуме» её встретили сразу двумя неприятностями. Первая называлась Тамара Сергеевна. Вторая – шляпа.

– Что это? – спросила Тамара Сергеевна, держа в руках конструкцию из чёрного фетра и тонких металлических дуг.

Анфиса внимательно посмотрела.

– Смелое художественное высказывание.

– Это вы сделали вчера.

– Тогда очень смелое.

– Оно падает.

– На ком?

– На всех.

Анфиса взяла шляпу.

– Значит, демократичная вещь.

Тамара Сергеевна закрыла глаза.

– Орлова, у вас есть полчаса.

– Сделаю.

– И без философии.

– Это сложнее.

Анфиса унесла шляпу к своему столу. Через десять минут она уже поняла, где ошиблась: сместила центр тяжести, пытаясь сохранить тонкую асимметрию. Ещё двадцать ушло на то, чтобы переделать внутреннее крепление и не испортить внешний вид. Когда она закончила, в мастерскую вошла Марина. На ней было короткое серое платье, длинный светлый

жакет и такие каблучки, на которых Анфиса согласилась бы пройти только по очень ровному полу и за очень большие деньги.

Марина остановилась у зеркала.

– У меня сегодня съёмка для каталога. Тамара Сергеевна сказала, ты сделаешь финальную посадку шляпы.

– Если выживешь.

– Обнадёживает.

Анфиса подошла и осторожно закрепила шляпу на её голове. Марина посмотрела на себя в зеркало.

– Неплохо.

– Это высшая похвала от модели?

– Почти.

Анфиса чуть поправила угол. Их взгляды встретились в зеркале. Марина первой отвела глаза.

– Ты сегодня какая-то другая.

– Какая?

– Не знаю. Довольная.

– Ужасно, правда?

– Подозрительно.

Анфиса молчала. Марина повернулась к ней.

– Антон?

– Что Антон?

– Вы опять встречаетесь?

Анфиса сняла с губ улыбку, но было поздно. Марина прищурилась.

– Значит, да.

– Мы пьём кофе.

– Вчера вы тоже пили кофе.

– Удивительно постоянные люди.

– Мой брат не приглашает одну и ту же женщину два дня подряд просто из любви к кофе.

Анфиса поставила коробку с булавками на стол.

– А ты всегда контролируешь его личную жизнь?

– Нет. Только когда она работает со мной в одной мастерской.

– Я не работаю с тобой. Я работаю над тобой.

Марина рассмеялась.

– Вот за это он тебя и заметил.

– За хамство?

– За то, что ты не пытаешься понравиться.

Анфиса посмотрела на неё.

– А надо?

– Обычно женщины рядом с Антоном стараются.

– А он?

– Что он?

– Стараются понравиться женщинам?

Марина задумалась.

– Нет. Наверное, поэтому они стараются ещё сильнее.

Анфиса тихо усмехнулась.

– Очень неудобный мужчина.

– Ты ещё не знаешь насколько.

– Успею.

Марина замолчала. Всего на секунду. Но Анфиса заметила, как изменился её взгляд.

– Что?

– Ничего.

– Нет, скажи.

Марина пожала плечами.

– Ты сказала «успею» так, будто уже решила, что он на-долго.

Анфиса почувствовала неожиданное смущение.

– Я ничего не решила.

– Хорошо.

– И перестань смотреть на меня как старшая сестра.

Марина резко подняла глаза. Обе замерли. Анфиса сама почувствовала, как слова повисли между ними. Марина попыталась улыбнуться.

– Старшая?

– По поведению.

– Я старше тебя на три года.

– Вот и пользуйся властью аккуратно.

Марина отвернулась к зеркалу. Шутка прошла. Но ощущение осталось.

* * *

Антон появился в «Элизиуме» около четырёх. Анфиса увидела его через стеклянную перегородку мастерской и тут же сделала вид, что полностью поглощена работой. Это было

смешно хотя бы потому, что иглу она держала неподвижно уже секунд десять. Антон разговаривал с техником по сцене, что-то показывал на планшете, кивал, хмурился. На нём была белая рубашка с закатанными рукавами и тёмные брюки. Пиджак он нёс в руке.

Анфиса поймала себя на том, что ей нравится его предплечье.

– Прекрасно, – прошептала она. – Теперь ещё и предплечья.

– Что?

Рядом возникла одна из мастериц.

– Ничего. Геометрия.

– Какая геометрия?

– Сложная.

Мастерица посмотрела туда, куда смотрела Анфиса, и понимающе улыбнулась.

– А-а.

– Даже не начинай.

– Я ничего.

– Именно это самое опасное.

Анфиса вернулась к шву. Через несколько минут рядом раздался знакомый голос:

– Привет.

Она подняла голову.

– Здравствуйте, архитектор.

– Уже на «вы»?

– Я на работе.

– Вчера ты была на работе и называла меня на «ты».

– Вчера был испытательный период.

– И как результаты?

Анфиса сделала вид, что оценивает его.

– Пока не уволен.

Он улыбнулся.

– В семь?

– В семь десять.

– Почему?

– Мне понадобится десять минут, чтобы сделать вид, будто я совершенно не ждала этой встречи.

Антон рассмеялся.

– Тогда в семь пятнадцать. Чтобы у тебя был запас.

Анфиса опустила глаза к работе.

– Хорошо.

Он уже собирался уходить, но остановился.

– Анфиса.

– М-м?

– Я тоже жду.

Она посмотрела на него. Антон не улыбался насмешливо. Просто сказал. И ушёл. Анфиса несколько секунд смотрела ему вслед.

Потом тихо выдохнула.

– Вот теперь уже нечестно.

* * *

В семь двенадцать Анфиса вышла из служебного лифта. Антон ждал в холле. На этот раз без телефона в руке. Это почему-то понравилось ей больше всего.

– Я опоздала на две минуты.

– Я заметил.

– И?

– Пока думаю, прощать ли.

– Не торопись. Такие решения меняют судьбы.

Он открыл перед ней дверь. На улице было прохладно. Дождь закончился, но асфальт ещё блестел под фонарями.

– Куда? – спросила Анфиса.

– Есть два варианта.

– Звучит тревожно.

– Кофейня в пяти минутах отсюда или место получше, но придётся ехать.

– Что значит «получше»?

– Там можно разговаривать и не слышать соседний стол.

– Это действительно роскошь.

– Поедем?

Она кивнула. В машине пахло кожей, кофе и чем-то ненавязчиво мужским – не духами, а скорее чистой рубашкой и холодным воздухом. Она пристегнулась. Антон завёл двигатель.

– Музыка?

– Только если ты не слушаешь что-нибудь, что заставит меня выйти на светофоре.

– Например?

– Шансон.

– Обидно.

– Ты слушаешь шансон?

– Теперь уже скажу, что да, просто чтобы посмотреть на твоё лицо.

Анфиса повернулась к нему.

– Ты начинаешь портиться рядом со мной.

– Марина предупреждала.

– Что именно?

– Что ты заразная.

– Марина слишком много говорит обо мне.

Антон улыбнулся.

– Ты тоже о ней спрашиваешь.

Анфиса сразу замолчала. Он заметил, но не стал продолжать. За это она была ему благодарна.

* * *

Место оказалось небольшим рестораном в старом особняке. Без вывески во всю стену, без охраны у входа, без людей, которые приходят не есть, а быть увиденными. Анфиса остановилась у двери.

– Ты сказал «кофе».

– Здесь хороший кофе.

– А столы с белыми скатертями зачем?

– Чтобы кофе не убежал.

– Ты меня обманул.

– Немного.

– Значит, это свидание?

Антон посмотрел на неё.

– А если я скажу «да»?

Анфиса почувствовала, как внутри всё стало слишком тихо. Она спаслась привычным способом.

– Тогда мне придётся оценивать тебя строже.

– Я готов рискнуть.

Они сели у окна. Сначала говорили о работе. Антон рассказывал о сцене для показа, о том, как каждый дизайнер уверен, что законы физики существуют только для менее талантливых людей. Анфиса рассказывала о Тамаре Сергеевне и шляпе, которая «демократично падала на всех». Потом разговор незаметно ушёл в сторону.

– Почему модистка? – спросил Антон.

Анфиса покрутила ложку в чашке.

– Потому что мне нравится делать то, что человек не считает необходимым, а потом без этого уже не хочет выходить из дома.

– Красивый ответ.

– Я его придумала только что.

– А настоящий?

Она улыбнулась.

– В детстве мне нравились коробки с лентами, пуговицами, старыми шляпами. Мама... приёмная мама работала в театре костюмером. Иногда брала меня с собой.

– Ты там научилась?

– Начала. Я могла часами сидеть рядом и смотреть, как обычная ткань превращает человека в кого-то другого.

– И тебе хотелось превращать?

– Нет. Наоборот.

Антон вопросительно посмотрел.

– Хотелось находить то, что в человеке уже есть, но он сам этого не видит.

Антон некоторое время молчал.

– Это похоже не на моду.

– А на что?

– На архитектуру.

Анфиса рассмеялась.

– Архитекторы всё считают архитектурой.

– Потому что всё и есть архитектура.

– Даже шляпа?

– Особенно шляпа. Там есть конструкция, вес, баланс, материал, пространство вокруг головы.

– Потрясающе. Я впервые встретила мужчину, способного объяснить женскую шляпу как инженерное сооружение.

– Я старался.

– Получилось тревожно убедительно.

Они улыбнулись друг другу. И снова наступила та самая пауза. Не неловкая. Тёплая. Анфиса вдруг поняла, что не боится молчания рядом с ним.

Обычно на свиданиях ей хотелось заполнять каждую пу-

стоту шуткой, вопросом, флиртом. Как будто тишина могла разоблачить отсутствие настоящего интереса. С Антоном тишина ничего не разоблачала. Она просто была. И в ней было спокойно.

– Ты опять задумалась, – сказал он.

– Опасно?

– Пока нет.

– А ты всегда такой спокойный?

– Нет.

– Не верю.

– Спроси Марину.

Анфиса вздрогнула почти незаметно. Снова Марина. Снова семья. Она заставила себя улыбнуться.

– Она скажет, что ты зануда.

– Скажет.

– И что слишком правильный.

– Тоже.

– И что защищаешь её даже когда не надо.

Антон посмотрел внимательнее.

– Она это рассказывала?

– Нет. Видно.

– Плохо?

– Не знаю.

Анфиса отвела взгляд к окну.

– Наверное, хорошо, когда кто-то так за тебя держится.

– А тебя никто не защищал?

Она задумалась.

– Мама защищала. По-своему.

– По-своему – это как?

– У неё была теория: если ребёнок упал и не сломал ничего важного, сначала надо дать ему самому подняться.

– Жёстко.

– Очень полезно. Я быстро научилась падать красиво.

Антон улыбнулся, но взгляд остался серьёзным.

– Поэтому ты не любишь, когда тебе помогают?

– Я не люблю, когда помощь превращают в право решать за меня.

– Я запомню.

Она подняла глаза.

– Правда?

– Да.

– Обычно мужчины на этом месте говорят: «Но иногда женщине нужно позволить мужчине быть мужчиной».

Антон поморщился.

– Звучит страшно.

Анфиса рассмеялась.

– Всё. За это тебе плюс.

– Сколько у меня уже?

– Не расслабляйся.

– А минусы?

Она посмотрела на него внимательно.

– Ты слишком много говоришь о сестре.

Антон рассмеялся.

– Ревнуешь?

Анфиса чуть не поперхнулась водой.

– К Марине?

– Ты первая начала.

– Нет. Я просто пытаюсь понять, существует ли у тебя жизнь вне роли старшего брата.

– Существует.

– Докажи.

Антон наклонился чуть ближе.

– Я сейчас с тобой.

Это было сказано тихо. Без игры. Анфиса вдруг перестала улыбаться. Он тоже. Между ними оставалось достаточно расстояния, чтобы ничего не происходило.

Но именно поэтому она особенно ясно почувствовала его присутствие. Руки на столе. Спокойный взгляд. Тёплый свет на лице. Анфиса впервые за вечер испугалась.

Не его. Себя. Потому что ей хотелось сократить это расстояние. И одновременно она вспомнила серебряный браслет. Елизавету Волкову.

Троих детей. Внутри словно резко потянули нитку. Она откинулась на спинку кресла.

– Что? – спросил Антон.

– Ничего.

– Ты побледнела.

– У меня бывает.

– Анфиса.

– Правда. Всё нормально.

Он не поверил, но не стал давить. Снова. И это делало всё только сложнее.

* * *

После ресторана они пошли пешком. Антон оставил машину на парковке, а Анфиса сказала, что ей нужно «немного нормального воздуха после слишком приличных салфеток». Москва была влажной и тихой. В витринах отражались фонари, редкие прохожие торопились к метро.

– Ты всегда убегаешь после хорошего ужина? – спросил Антон.

– Только если мужчина начинает нравиться.

Он повернул голову.

– Опасная честность.

– Я пошутила.

– Поздно.

Анфиса улыбнулась краешком губ. Они шли рядом, почти касаясь плечами. У перехода Антон машинально взял её за локоть, когда рядом слишком быстро проехала машина. Анфиса остановилась. Его рука тут же исчезла.

– Извини.

– За что?

– Ты не любишь, когда тебя спасают.

Она посмотрела на него.

– Это другое.

– Чем?

– Ты не спросил, куда мне идти. Просто не дал попасть под машину.

– Значит, зачёт?

– Полбалла.

– Жестоко.

Они перешли улицу. На другой стороне Анфиса вдруг сама взяла его под руку. Не демонстративно. Как будто так было естественно. Антон посмотрел на её пальцы, но ничего не сказал.

И снова это ей понравилось.

– Ты чего молчишь? – спросила она.

– Боюсь потерять полбалла.

Анфиса рассмеялась и прижалась к его руке чуть сильнее. Через несколько минут впереди показалась небольшая площадь с фонтаном. Они остановились у воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.